
Антон Шешуков
Робинзон Кузо и господин Ничуть

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и господин Ничуть

https://litres.ru/74703572
SelfPub; 2026

Аннотация

В зеркале доктора Вереска Кузо видит кота, которым давно мечтал стать: смелого, уверенного, всегда знающего, что сказать. Одно касание — и робость исчезает!

Теперь он господин Ничуть. Не боится заговорить первым, возразить взрослому или обидеть друга. Кузо уверен, что сможет вернуться к себе, когда захочет. Но превращения длятся всё дольше. А однажды начинаются без зеркала.

Пуговка и капитан Барсур ещё зовут его Кузо. Только захочет ли он сам вернуться?

Содержание

Глава 1. Дом с двумя дверями 4
Глава 2. Кот, который всегда знает 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и господин Ничуть

Глава 1. Дом с двумя дверями

Кузо третий раз взялся за дверной молоток и третий раз его отпустил.

Молоток был медный, в форме рыбьей головы. Рыба держала во рту кольцо и смотрела на кота с таким выражением, будто сама хотела узнать, зачем он пришёл.

— Стучи уже, — сказала Пуговка.

Она стояла под краем его рюкзака, спасаясь от дождя. В лапах мышка держала свёрнутый лист с чертежом. Один угол намок, и теперь ей приходилось следить ещё и за ним.

— Может быть, он занят.

— Тогда скажет, что занят.

Кузо это понимал. Всё равно постучать в дом незнакомого учёного оказалось труднее, чем он рассчитывал.

Ещё утром их корабль вошёл в небольшой порт, где между домами проходили узкие каналы. Здесь пахло мокрым камнем, угольным дымом и горячим хлебом. На мостах висели фонари, а у причалов плавали низкие лодки с навесами. Ку-

зо успел заглянуть под один такой навес и обнаружил там целую семью, которая завтракала, пока отец неторопливо правил веслом. На столике стояла чашка. Чашка ни разу не упала. Кот потом долго думал, как это у них получается.

К вечеру пошёл мелкий дождь. Барсур передал Кузо свёрток с треснувшим стеклом корабельного фонаря и адрес доктора Вереска.

— Если возьмётся, завтра заберём, — сказал капитан. — Скажешь, что от меня.

Поручение было простое. Но Кузо сразу представил, как доктор спросит что-нибудь про стекло, а он не сумеет ответить. Капитан уже повернулся к штурману, и кот не стал возвращать его.

Пуговка попросилась вместе. Мастер на корабле сказал ей, что Вереск разбирается в маленьких пружинах. У бумажной птицы, которую мышка собирала с самой ярмарки, одно крыло раскрывалось раньше другого.

— Только сначала твоё стекло, — предупредила она. — А потом я своё спрошу. Не забудь.

Кузо пообещал.

Они перешли через два мостика, обошли рыбный рынок и нашли нужный дом в конце переулка. Со стороны канала он был вполне обыкновенный: светлые окна, зелёная дверь, горшок с мокрым кустиком на ступеньке. А за углом, под низкой аркой, оказалась ещё одна дверь. Узкая, тёмная, обитая железными полосами. К ней вели три ступени вниз.

Кузо сперва подошёл туда. На железной двери не было ни звонка, ни таблички.

— Здесь, наверное, склад, — решила Пуговка.

Пришлось вернуться к медной рыбе.

Теперь вода уже добралась до шеи под тельняшкой. Кузо поёжился, поднял кольцо и наконец постучал.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стоял пожилой ёж в длинном жилете. На иголках у него застрял карандаш, а на носу сидели очки, одна дужка которых была обмотана ниткой.

— Барсур? — спросил ёж, глядя на свёрток.

— Нет, я Кузо.

— Вижу, что не Барсур. Стекло его?

Кот поспешно кивнул. Пуговка тихонько фыркнула у него за спиной.

— Заходите. И дверь прикройте, пожалуйста. У меня тут бумаги.

В прихожей было тепло. Кузо сразу почувствовал запах сушёных яблок и печёного теста. Под лестницей висели пальто, на нижней ступеньке лежала одна туфля. Второй не было видно.

— Лапы вытрите, — попросил доктор. — Обе пары. Маленькие тоже.

Пуговка остановилась на коврике.

— Я свои уже вытерла.

— Прекрасно. Значит, я зря беспокоюсь.

Доктор провёл их в комнату с круглым столом. Возле печки сушились полотенца. На подоконнике стояли три стеклянных шара, в которых переворачивался и медленно оседал снег. Кузо подошёл поближе. Снаружи за окном шёл дождь, а в шарах всё никак не кончалась зима.

— Садитесь. Чаю?

Кот хотел отказаться, чтобы не отнимать время. Потом вспомнил холодную воду под тельняшкой.

— Да. Спасибо.

Пуговка уже забралась на стул и осторожно развернула чертёж. Намокший угол прилип к другому краю. Мышка нахмурилась и принялась разнимать бумагу.

Кузо положил свёрток перед доктором.

— Капитан спрашивает, можно ли починить.

Вереск вынул стекло, поднёс к лампе и повернул боком.

— Починить нельзя. Сделать новое можно. Крепление осталось на корабле?

Вот оно. Кузо посмотрел на треснувшее стекло. Он даже не знал, что именно доктор называет креплением.

— Я не спросил.

— Ничего. Завтра пришлёте с кем-нибудь, мне нужен размер.

Ёж положил стекло на салфетку и пошёл за чайником.

И всё. Никакого особенного разговора не понадобилось. Кузо даже стало досадно, что он столько времени мок под дверью.

В чашке оказался чай с яблоками. Доктор поставил на стол блюдо с круглыми лепёшками и извинился, что они слегка пригорели снизу.

— Я привык сначала проверять снизу, — сказал Кузо.

— Из-за чего?

— На корабле у Брамса однажды лук подгорел. Сверху всё было очень красиво.

Доктор засмеялся. Кот отломил кусочек лепёшки. Под корочкой она была мягкая и горячая. Он незаметно подвинул стул поближе к печке.

Пуговка дождалась, пока Вереск сядет, и показала чертёж. Доктор надел очки повыше. Спросил про ось, потом про загиб проволоки. Мышка достала из мешочка бумажную птицу и завела ключиком.

Правое крыло раскрылось сразу. Левое дёрнулось, застряло, а потом с таким усердием ударило доктора по пальцу, что тот убрал лапу.

— Вот! — обрадовалась Пуговка. — На корабле при мастере не хотела. Всё правильно делала.

Вереск снова наклонился к птице. Кузо слушал, жевал и постепенно переставал понимать их разговор. Под лепёшкой осталось тёмное пятнышко. Он провёл по нему пальцем, потом убрал крошки на край блюдца.

Мышка уже умела собирать такую птицу. Разобралась, как соединить крылья. Теперь она спорила с настоящим учёным о какой-то совсем маленькой детали, и учёный её слу-

шал.

Кузо тоже хотелось уметь что-нибудь такое. Не просто принести стекло от капитана. Взять, посмотреть и сразу сказать: здесь надо повернуть, а тут — переставить. Чтобы это ещё и оказалось правдой.

— Нужны маленькие щипцы, — сказал доктор. — Пойдёмте в мастерскую. Чашки оставьте, потом допьём.

Он зажёг вторую лампу и открыл дверь в конце комнаты.

За ней пахло деревом и железом. На стенах висели инструменты, над длинным столом вытянулась полка с толстыми тетрадями. В дальнем углу Кузо заметил ту самую узкую железную дверь. Значит, с улицы она вела сюда.

Доктор поставил лампу у тисков. Пуговка тут же попросила подвинуть к столу ящик: со стула было неудобно доставать до птицы.

Кузо помог ей забраться и отошёл, чтобы не мешать.

У стены стояло высокое зеркало. Точнее, кот сперва решил, что это зеркало. Его стекло было серым, совсем тусклым, и не отражало ни лампы, ни стола. В широкой медной раме виднелись две круглые ручки. Одну закрывал маленький кожаный ремешок.

Кузо наклонился, пытаясь разглядеть себя.

— Оно не работает, — сказал доктор, не оборачиваясь. — Накрыть забыл. Секунду.

Он отложил щипцы и подошёл.

— Разве зеркало должно работать? — спросил кот.

— Обычному достаточно висеть. С этим сложнее.

Вереск придвинул лампу к раме, повернул свободную ручку. В глубине стекла появился свет. Сначала Кузо увидел комнату: полку, стол, Пуговку, которая как раз переставала заниматься птицей. Потом в зеркале проступил кот.

Тельняшка, мокрые усы, знакомая мордочка.

Но стоял он иначе. Прямо, свободно, будто всегда знал, куда поставить лапы. Не поджимал хвост, чтобы никому не помешать. Даже мокрая тельняшка, из-за которой Кузо весь вечер сутулился, на том коте выглядела вполне подходящей одеждой.

Кузо выпрямился. Тот остался как был.

— Это не я, — негромко сказал путешественник.

— Ты, если бы был уверен в каждом своём решении.

Доктор придерживал лампу у самого края рамы. В её свете были видны мелкие царапины на меди.

— Не касайся стекла, — добавил он. — Смотреть можно отсюда.

Кузо убрал лапу за спину.

Кот в зеркале улыбнулся. Кузо видел у него под мышкой свёрток с фонарным стеклом. Сейчас этот кот войдёт, поздоровается с доктором и объяснит, что требуется капитану. Ничего не забудет. А потом, наверное, сам поможет Пуговке.

— Он всё умеет? — спросил Кузо.

— Он во всём уверен. Это разное, — ответил Вереск.

Пуговка спустилась с ящика и подошла ближе. Доктор

немного отодвинул Кузо, освобождая ей место.

В зеркале появилась мышка. Она держала свою птицу и с важным видом заводила ключик. Правое крыло распахнулось, левое застряло. Мышка в стекле даже не наклонилась проверить. Повернула ключик ещё раз.

Пуговка охнула.

— Сейчас пружину сломает!

Она шагнула вперёд. Доктор придержал её за плечо.

— Не трогай. Это только изображение.

Другая мышка подняла птицу повыше, полюбовалась. Её, кажется, совершенно устраивало одно работающее крыло.

— Она думает, что уже готово? — спросила Пуговка.

— Уверена, — ответил Вереск.

Пуговка некоторое время смотрела. Потом вздохнула и повернулась к столу.

— А я ещё не закончила. Где щипцы?

Вереск убрал лампу. Стекло погасло.

Кузо остался возле медной рамы. В тусклой поверхности снова не было ничего, даже его собственных мокрых усов.

— А долго так можно смотреть? — спросил он.

— Сегодня достаточно. Мне ещё многое нужно проверить.

Доктор накрыл зеркало плотной тканью и вернулся к Пуговке. Они снова заговорили про проволоку. На столе тихонько щёлкнуло крыло.

Кузо взялся за лямку рюкзака. Он собирался спросить,

почему отражение не повторяет движения, но теперь этот вопрос казался слишком маленьким.

Его занимало другое.

Он ведь не собирался крутить ключик у сломанной птицы. Ему бы только перестать мяться под дверью и не пугаться каждого незнакомого слова.

Нельзя ли забрать себе хоть немного той уверенности, что осталась под тканью?

Глава 2. Кот, который всегда знает

Наутро Кузо нашёл крепление фонаря без особого труда. Оно лежало перед ним на столе у капитана.

— Вчера забыл дать, — сказал Барсур.

Кот посмотрел на тяжёлое медное кольцо. Выходит, доктору следовало спросить не о том, почему он не взял крепление, а о том, почему капитан его не дал. Кузо представил, как объясняет это вчерашнему себе, который так долго мялся у двери, и улыбнулся.

— Ну что, занятой твой учёный? — спросил Барсур.

— Занятой. Но чай пьёт.

— Значит, ещё не совсем пропащий.

Капитан завернул крепление в тряпицу. Кузо взял свёрток обеими лапами и на этот раз спросил, что нужно сказать.

Оказалось, ничего особенного. Передать, забрать завтра готовое стекло, узнать цену. Они собирались стоять в порту ещё несколько дней: меняли часть канатов, закупали муку и ждали попутного ветра. Можно было не торопиться.

На палубе Пуговка сушила свою птицу. Ночью на каютном столике она расправила помятый дождём хвост, подложив под него толстую книгу. Хвост стал ровнее, зато теперь на нём виднелось слово «география», отпечатавшееся с сырой обложки.

— У тебя птица образованная, — заметил Кузо.

— Хоть кто-нибудь, — ответила мышка. — Ты к доктору?

Кот кивнул.

— Спроси, можно ли прийти после обеда. Я здесь помогу мастеру, а потом свободна.

Кузо пообещал и пошёл по трапу. У причала Брамс выбирал лук. Кок перекладывал луковицы из мешка в мешок, а продавец уверял, что одинаковее товара не бывает.

— Тогда почему эта мягкая? — спросил Брамс.

— Мягкий характер.

Кузо рассмеялся. Утро началось хорошо. Он знал дорогу, в доме его уже видели, а в свёртке наконец было всё необходимое.

На мостике кот остановился посмотреть, как лодочник провозит под аркой высокий шкаф. Пришлось уложить его на бок. Из шкафа вывалился валенок, и лодочник поймал его веслом. Кузо дождался, пока лодка пройдёт, хотя мог бы идти дальше. В родной деревушке такого не увидишь.

Вереск открыл без жилета, с рукавами, закатанными до локтей.

— Вот и кольцо. Теперь я знаю, во что вставлять стекло. А то мог бы сделать окно в каюту.

Кузо передал просьбу Пуговки. Доктор разрешил прийти и предложил ему самому остаться ненадолго: нужно было сверить толщину осколка с новым стеклом. В мастерской на столе стояла деревянная подставка с прозрачным кругом. Кузо смотрел, как Вереск водит по краю маленьким инстру-

ментом. Из-под него выходила тончайшая стружка, похожая на ледяную нить.

— Вы всё умеете? — спросил кот.

— Нет. Заваривать чай умею. С лепёшками, как ты видел, сложнее.

— А с зеркалом?

Доктор положил инструмент.

Зеркало было накрыто. Под тканью виднелись круглые выступы двух ручек. Кузо помнил, какая из них оставалась свободной.

— С ним я как раз ещё учусь, — сказал Вереск.

Он подвинул к окну два стеклянных обрезка: красный и синий. Наложил один на другой, потом раздвинул.

— Видишь, свет меняется? В зеркале есть другой материал. Его привезли издалека, в песке находят целые пласты. Он тоже умеет разделять. Только не цвета.

Кузо наклонил голову. Доктор поискал слова попроще.

— Ты можешь одновременно хотеть пойти в море и бояться качки?

— Могу, — сразу ответил кот. — Очень.

— Так и думал. А можешь знать, как что-то сделать, и всё-таки проверить ещё раз?

— На корабле иначе нельзя. Барсур велит.

— Зеркало показывает одно без другого. Вчера в нём осталась твоя уверенность, а всё, что заставляет тебя остановиться и подумать, сделалось очень тихим.

Кузо посмотрел на накрытую раму.

— Вот бы на уроках так.

— Знать от этого больше не станешь. Зато труднее заметишь, что не знаешь.

Доктор взял со стола листок. Под светом из окна на нём виднелась узкая зелёная полоса. Вереск прикрыл её синим стеклом, и полоса почти исчезла.

— Она никуда не делась, — сказал он. — Просто я устроил свет так, что её плохо видно.

Кузо сам поднял обрезок. Полоса появилась снова. Это было понятно. Только с ним вчера всё выглядело гораздо интереснее, чем с полосой.

— А вторая ручка для чего?

— Соединять обратно. Убирает разделённый свет, возвращает обычное отражение. С ней труднее, потому и закрепил, чтобы случайно не сбить настройку.

— Значит, можно всё вернуть?

— С изображением — да. С живым существом я не пробовал и не собираюсь.

Вереск говорил уже без улыбки. Кузо перестал вертеть обрезок в лапах.

— Мой учитель писал, что касание такого стекла может изменить самого смотрящего. Сначала ненадолго. При повторении след закрепляется — как бывает, если долго глядеть на яркую лампу, а потом закрыть глаза. Только гораздо сильнее. Потому и нельзя прикасаться. Понял?

— Понял.

— Я показываю его с расстояния. А сам работаю с рамой, когда свет погашен.

Доктор забрал синий обрезок, поставил на полку. Потом снова нагнулся к фонарному стеклу. Его рука двинулась точно, без колебаний, и Кузо захотелось спросить, не смотрел ли он сам когда-нибудь под ткань дольше положенного. Не спросил. Вопрос получался невежливый.

В дверь постучали.

Вереск вытер лапы и выглянул в прихожую. Пришёл портовый мастер Сивер, пожилой бобр с широким кожаным поясом. Он принёс чертёж большого сигнального фонаря. С моря ожидали туман, а механизм нужно было осмотреть до его прихода.

Сивер поздоровался с котом и попросил доктора выйти на минуту: длинный чертёж удобнее было разложить на столе в передней комнате.

— Кузо, посиди в столовой, — сказал Вереск. — Я сейчас вернусь. Там лепёшка со вчера осталась, только я бы её подогрел.

Кот послушно вышел. Сел у печки. Сквозь приоткрытую дверь было слышно, как взрослые спорят о размере какого-то паза.

Лепёшка лежала под салфеткой. Кузо отломил кусочек. Она была совсем не такая, как вчера, и кот пожалел, что взял её без чая.

В столовой висело обыкновенное маленькое зеркало. Кузо увидел в нём крошку у себя на подбородке, стряхнул. Потом поправил тельняшку. Вчерашний кот, наверное, никогда не ходил с крошкой на подбородке. А если и ходил, то не думал об этом каждую минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.